

УДК 340.11

К вопросу о статусе международно-правового компонента в правовой системе России

Л.В. Бутько,

доктор юридических наук,
профессор кафедры государственного и международного права
Кубанского государственного аграрного университета
Россия, Краснодар
lvbutko@mail.ru

Г.Д. Улетова,

доктор юридических наук,
профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, Москва
uletova@mail.ru

Рассматривается вопрос о статусе международно-правового компонента в правовой системе России. Анализируются различные форматы признания национальными правовыми системами нормативов, выработанных в рамках международного сотрудничества, и предлагается авторская конструкция (теоретическая модель). Делается вывод о том, что доктринирование конструкции международно-правового компонента в правовой системе РФ должно осуществляться на основе вариативности, которая предопределена сложностью как самой этой системы, так и системы международного права, его предмета и источников.

Ключевые слова: международно-правовой компонент, правовая система, общепризнанные принципы и нормы международного права, правовая глобализация.

Введение. В современном стремительно меняющемся мире столь же стремительно происходит актуализация той или иной научной проблемы. Казалось бы, уже предложено немало заслуживающих внимания решений в оценках как современной правовой системы в целом, так и составляющих ее элементов, но ученые вновь и вновь возвращаются то к одному, то к другому ее аспекту, и тому имеются весомые причины. Определение международно-правового компонента в правовой системе России стимулирует развернувшаяся на страницах юридической печати дискуссия «о признании международного права в качестве глобализирующего фактора, то есть этапа правовой глобализации» [35, с. 236; 36], которая в границах общей концепции глобализации занимает самостоятельное место. Это тем более ощутимо, что тема глобализации как одного из вызовов современности сегодня «вышла на первый план общественного сознания, стала центральной» [44, с. 8] на фоне двух практически взаимоисключающих течений глобалистов и антиглобалистов.

Форматы проникновения и признания в национальных правовых системах нормати-

вов, выработанных в рамках международного сотрудничества, самые разнообразные. Это и общепризнанные принципы, и нормы международного права, и нормы международных договоров, и объединенный международно-правовой компонент в правовой системе, и применение формулы «мягкого права», и др. Статус выбранного формата по-разному определяется в разных странах при активизировавшихся попытках ученых выработать какие-то общие на этот счет стандарты или формулы. Так, В.В. Ершов предлагает выделять следующие «формы собственно международного и внутригосударственного права: основополагающие принципы международного права, международные договоры, обычаи международного права; основополагающие принципы национального права, национальные нормативные акты, нормативные правовые договоры и обычаи права»¹ [7, с. 5—22; 8, с. 87].

Оставим открытым вопрос о завершенности предложенной модели, лишь подчеркнем, что в современной российской правовой традиции обсуждение качества и состояния всех правовых явлений сорентировано на оценочные критерии, связанные с международным пра-

¹ Основываясь на интегративном понимании права в своих исследованиях категорий «право» и «неправо», В.В. Ершов все остальные регуляторы (прецеденты, правовые позиции судов) относит к «неправу». Трудно понять, какое место в предложенной системе занимает Конституция Российской Федерации, однако, на наш взгляд, в структуре национальных нормативных актов она заслуживает большего внимания и самостоятельного места.

вом, тенденциями его развития и опытом использования другими странами, рекомендациями и требованиями мирового сообщества по применению международных правил, разработкой механизмов международно-правовой ответственности, необходимостью или целесообразностью ее применения [3; 14; 29; 32, с. 5—14; 33, с. 6—31; 40]. Таким образом, потребность доктринирования модели международно-правового компонента в правовой системе России совершенно очевидна.

Постановка проблемы. Положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция РФ), в соответствии с которыми общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ объявляются составной частью ее правовой системы, вызвали неоднозначные реакции и оценки представителей различных отраслей российской правовой науки. Главной причиной разночтений послужила предопределенная неизбежность смены парадигмы в понимании российского права и порождаемых на его основе всех правовых явлений [28, с. 14—31].

Введением указанной конституционной нормы инициированы процессы трансформации многих (если не всех) направлений юридической науки и практики. С одной стороны, весьма заметны авторитет и значимость нормы, содержащейся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, которые подтверждались ее воспроизводством в других конституционных нормах или ссылками на нее, а также положительным реагированием на ее применение другими отраслями российского права. Наиболее ощутимым оказалось влияние этой нормы на правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина¹, понимание проблем государственного суверенитета, оценку механизма государственной власти, всех ее ветвей, эффективность и качество ее осуществления.

Но с другой стороны, наблюдается нарастающее проблематичность как в научном обосновании достоинств и недостатков указанной нормы, так и в практической ее реализации. Доказательством тому может служить нерешенность и нерешаемость ряда судьбоносных вопросов правового регулирования современной российской действительности. Наглядным примером является ситуация с Федеральным законом «О нормативных правовых актах Российской Федерации», проект которого был принят Государственной Думой в первом чтении еще 11 ноября 1996 года, но до сих пор

страна такого закона не имеет. Одна из причин задержки заключается в отсутствии единства мнений относительно системы нормативных правовых актов, в том числе и по вопросу о статусе международно-правового компонента в системе российского права.

Назовем наиболее масштабные и актуальные проблемы, порожденные содержанием ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Появилась необходимость пересмотра научных подходов к определению принципов российского права в контексте межгосударственной интеграции² и включения в их иерархию тех, которые по меркам международно-правового сотрудничества считаются общепризнанными, но при этом критерии общепризнанности не установлены.

Подвергнута полной трансформации система российского права на фоне отсутствия до настоящего времени в российской доктрине единообразного понимания правовой системы Российского государства [6, с. 8—9; 26; 41, с. 7—17], одной из причин которого явилось, на наш взгляд, не совсем четкое (если не сказать некорректное) использование этого термина в ст. 15 Конституции РФ.

Предметом острых дискуссий в течение последних десятилетий по-прежнему остаются проблемы соотношения международного и национального права. Они столь многогранны (и потому понятно внимание к ним широкого круга ученых, в числе которых В.В. Ершов, Е.А. Ершова [10], Э.Л. Кузьмин [21], И.И. Лукашук [23], С.Ю. Марочкин, О.Н. Малиновский, Т.Н. Нешатаева, О.И. Тиунов, В.Л. Толстых [39], С.В. Черниченко, Е.Т. Усенко [43] и др.), что не представляется возможным считать «не столь актуальным вопрос об определении проблем соотношения международного и национального права», как это предлагает Е.С. Смирнова [35, с. 237].

Потребовала внимания научная трактовка положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ с позиций их места в структуре института основ конституционного строя, в статусе одной из основ или в качестве элемента данного института. Известно, что теоретическая конструкция института основ конституционного строя, оценки его сущности и значения вызывает множество разночтений в конституционно-правовой науке. С учетом этого решение задачи установления институционального положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ еще более усложняется в связи с необходимостью рассматривать данный вопрос в контексте международно-правового значения.

¹ К примеру, В.В. Ершов и Е.А. Ершова, рассуждая о формах соотношения норм международного и национального права и приоритетах каждой из отраслей в регулировании прав и свобод человека и гражданина, приходят к выводу о том, что до сих пор «остается открытым важнейший теоретический и практический вопрос о соотношении международного и национального права» [10, с. 7].

² Авторы коллективной монографии «Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты» представили результаты анализа принципов права как объекта научного исследования и предложили варианты возможной трансформации принципов российского права в контексте обновленного доктринального их осмысления [34].

Перечень проблем, которые предстояло и еще предстоит решать в связи с появлением ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, включает также определение понятия общепризнанных принципов и норм международного права, установление их качественных признаков в соотношении с нормами различных отраслей внутригосударственного права России, обоснование возможности придания им статуса источников российского права. Оставляя этот перечень открытым, обратимся к более подробному объяснению некоторых из проблем.

Некоторые ключевые позиции в понимании правовой системы. Векторное положение, на наш взгляд, сохраняется за определением категории «правовая система» по причине неточного ее использования в тексте ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Напомним, что статус правовой категории этот термин получил именно с принятием Конституции РФ, что справедливо подчеркнул Ю.А. Тихомиров еще в конце XX столетия [41, с. 7—17]. С этого момента начинается концептуальное обновление, трансформация ее научного обоснования, имевшего к тому времени достаточно глубокие исторические корни.

Самый общий перечень мнений, сложившихся к текущему моменту, может быть представлен следующим обзором. Одни ученые отождествляют правовую систему с понятием права, другие — с системой правовых норм; третьи включают в ее содержание право как нормативное образование, правотворчество и правоприменение; четвертые считают, что этим понятием охватываются внутренние связи правовых явлений, их организация и структура; пятые рассматривают правовую систему как совокупность юридических норм, принципов и институтов, совокупность правовых учреждений, совокупность правовых идей и взглядов.

Ю.А. Тихомиров пишет, что понятие правовой системы впервые введено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ применительно к соотношению норм внутреннего и международного права, поэтому «правовая система связана, прежде всего, со всеми правовыми нормами, а доктринальная трактовка позволяет охарактеризовать ее как взаимодействие правовых идей и принципов, правового массива и правоприменения» [41, с. 8]. Здесь, как видим, точно подмечены два направления исследования правовой системы: нормативно-правовое и доктринальное. В свою очередь эти направления могут быть аккумулярованы в структуре элементов правовой системы, обеспечивая тем самым реализацию принципа системности при ее построении. Подтверждение указанным направлениям находим в высказываниях других ученых.

Помимо точек зрения ученых (М.И. Байтина, А.М. Васильева, В.П. Казимирчука,

В.Н. Кудрявцева, В.Н. Синюкова), представленных в работах Ю.А. Тихомирова, В.В. Ершова, Е.А. Ершовой и др., заслуживает внимания взгляд на проблему и других авторов. Так, по мнению Г.Н. Манова, правовая система — весьма сложное собирательное, многоплановое явление, не совпадающее ни с системой права, ни с системой законодательства, а объединяющее эти и другие понятия и включающее в себя следующие взаимосвязанные элементы: правовые нормы, институты и принципы, юридические учреждения, правовое сознание, правовую культуру [27, с. 180].

Как собирательное понятие рассматривает правовую систему С.С. Алексеев. В правовую систему он включает взаимодействующие основные элементы, имеющие конститутивное значение: собственно право, правовую идеологию и юридическую практику, состоящую из правоприменительной и правотворческой деятельности, а в качестве результатов последней — и систему нормативных актов [1, с. 86—91].

Наконец, В.В. Ершов и Е.А. Ершова, исследуя проблемы применения международного права российскими судами, основываясь на двух концепциях соотношения международного и внутригосударственного права — монизме и дуализме, сложившихся в доктрине международного права, сформулировали свое мнение об исследуемой проблеме. Им представляется спорным само понятие «правовая система Российской Федерации», содержащееся в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, включающее в себя в качестве составной части кроме национального права общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации [10, с. 8]). С таким выводом, безусловно, можно согласиться, особенно в части «спорности» оцениваемой формулировки. И тем не менее полагаем уместным высказаться по поводу того, следует ли признавать понятием формулировку ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Мы в большей степени склонны расценивать ее в качестве принципа, введенного данной нормой в российскую правовую среду.

По нашему мнению, оценку высказанным в юридической литературе суждениям следует давать с учетом нарастающей борьбы за авторитет и признание между международными и внутригосударственными идеалами, национальными традициями и европейскими стандартами. Известное противостояние способно привести и нередко приводит к серьезным конфликтным ситуациям в межгосударственном и международном общении. В качестве научной платформы может быть привлечен механизм взаимодействия социокультурного комплекса цивилизаций. Е.А. Лукашева, описывая данный механизм, подчеркивает одно из его несомненных достоинств: «Рассмотрение любых социальных норм во взаимодействии с созна-

тельной предметной практической деятельностью людей ныне широко распространено в философии, социологии, политологии, психологии, антропологии и позволяет оценить подлинную значимость нормативного измерения всех социальных явлений» [22, с. 16].

Но не только. В отстаивании своих позиций авторы прибегают к различным приемам сравнительного институционально-правового и государственно-организационного анализа, привлекая в этих целях как исторический опыт, так и современное законодательство. Подвергаются анализу процессы становления международно-правовых институтов и организационных структур, аргументируется несовершенство системы контроля над действием институтов международного права, оценивается влияние норм международных договоров на межрегиональное сотрудничество и др. Из используемого арсенала исследовательских методик полезным представляется деление интеграционных отношений в международном праве на два уровня: региональный и универсальный. Такая градация не только свидетельствует о соответствующей нормативной и территориальной иерархии норм международного права, но и создает возможности учета региональных особенностей в различных частях земного шара, где сформировались межгосударственные объединения¹.

Резюмируя, отметим, что практически все исследователи рассматривают правовую систему (в равной степени и международную, и внутригосударственную) как сложное и многоэлементное правовое явление, несводимое к более определенным (но менее емким) правовым понятиям, как «право», «система законодательства», «система нормативных правовых актов». Именно такой подход создает базу для развития доктринального направления в исследовании правовой системы.

Узкое понимание правовой системы РФ и сведение ее до рамок права или системы законодательства не сможет адекватно отразить ее действительное содержание, а также вряд ли поможет определить в ней место и роль норм международного права. Между тем понятие и содержание правовой системы должно включать в себя все правовые стороны жизни, в том числе и международно-правовой компонент.

О противоречиях в связи с определением места международно-правового компонента в правовой системе РФ. Наиболее полное обоснование структуры правовой системы с позиции двух указанных направлений и системного подхода дает Ю.А. Тихомиров. Ученый приходит к выводу о необходимости включения в понятие правовой системы четырех групп элементов, к которым он относит:

1) правопонимание — правовые взгляды, правосознание, правовую культуру, правовые теории, концепции, правовой нигилизм;

2) правотворчество — познавательный и процессуально оформленный способ подготовки и принятия законов и иных правовых актов;

3) правовой массив — структурно оформленную совокупность официально установленных и взаимосвязанных правовых актов;

4) правоприменение — механизм реализации правовых актов и обеспечения законности [41, с. 9].

Каждая из предложенных групп представляет собой сложный системно организованный элемент правовой системы. Но в этой структуре мы не находим международно-правового компонента. Согласно содержанию ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, рассматриваемый компонент в правовой системе должен объединить общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. Но в таком виде он вступает в явное противоречие с другими предлагаемыми элементами правовой системы, не соответствует общесистемным требованиям, предъявляемым к другим ее элементам. Отсюда следует, что данный компонент не может ограничиваться содержанием ч. 4 ст. 15 Конституции РФ либо признаваться элементом правовой системы, а должен соотноситься с одним из указанных ее элементов, к примеру с «правовым массивом» из конструкции Ю.А. Тихомирова или с «институтами и принципами» из набора элементов, предлагаемого Г.Н. Мановым.

Чтобы окончательно определиться с форматом международно-правового компонента в структуре правовой системы России, необходимо разрешить противоречие, порожденное формулировкой ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Его суть, как уже отмечалось ранее, в том, что, с одной стороны, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ составляют часть отечественной правовой системы, а с другой — в рамках этой единой системы они должны составлять самостоятельный правовой блок, имеющий важные юридические особенности, позволяющие оценивать их в качестве обособленного элемента системы. Кратко вопрос звучит так: международно-правовой компонент — это элемент или часть правовой системы, и какая? Поскольку поставить знак равенства между ними нельзя, необходимо предложить вариант решения обозначенного противоречия. На наш взгляд, он ни то и ни другое.

Для примера проиллюстрируем такой традиционный элемент правовой системы, как источники (формы) права. Главным их видом в

¹ Интересными в этом отношении представляются результаты исследований Ж.М. Кембаева, И.И. Лукашука, Е.С. Смирновой, Ю.В. Шишкова, А.В. Яковенко и др.

российской правовой традиции считается система нормативных правовых актов. Ученые справедливо предлагают дифференцировать эти понятия [9, с. 8] и на этой основе предусматривают возможность выделения в системе источников (форм) российского права двух подсистем — формы международного права и формы российского права [11, с. 10]. Сразу возникает ряд вопросов. Во-первых, в каком качестве в российской правовой системе будет выступать подсистема «формы международного права»? Совершенно очевидно, что самостоятельным элементом правовой системы ее не назовешь, она тяготеет к традиционному элементу — системе нормативных актов.

Во-вторых, возможно ли при таком подходе включение в подсистему «формы международного права» разновидностей, предусмотренных ч. 4 ст. 15 Конституции РФ? Видимо, возможно, иначе зачем нужно обособлять эту подсистему. В пользу такого вывода говорят результаты ряда исследований, к примеру, предложение О.Н. Малиновского и др. о проведении официальной систематизации норм международного права по отраслям внутригосударственного права [24, с. 301; 25, с. 552—553].

В-третьих, как будут соотноситься элементы двух подсистем в их погоризонтальном сравнении по юридической силе и какие критерии систематизации международно-правовых документов могут быть использованы в рамках подсистемы «формы международного права» — отечественные или международные?

В связи с этим В.В. и Е.А. Ершова высказали мнение о том, что «лишь одна форма международного права — международные договоры — имеет приоритет перед законами, одним из видов нормативных правовых актов (формой внутригосударственного права)» [11, с. 9]. Данное суждение, на наш взгляд, нуждается в уточнении с учетом того, что существует официальная градация международных договоров в зависимости от того, кем (Президентом или Правительством), по каким вопросам они заключались и какая процедура была использована для придания нормам этих договоров обязательной юридической силы на территории России: механизм ратификационного правотворчества или безратификационное применение.

Таким образом, спорность ответов на поставленные вопросы не дает оснований для разрешения сформулированного противоречия. Выход, по нашему мнению, видится в ответе на вопрос, могут ли правила международных договоров и иные нормы международного права применяться непосредственно в сфере внутригосударственной юрисдикции. Такая возможность большинством ученых ранее категорически отрицалась (Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко и др.). В настоящее время высказываются и иные весьма компетентные

точки зрения (Г.В. Игнатенко, С.Ю. Марочкин, О.И. Тиунов и др.).

Вариативность доктринирования содержания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Представляется обоснованным мнение тех ученых-международников, которые полагают, что многие внутренние дела регулируются с помощью норм международного права, поэтому сфера функционирования международного права может быть распространена и на внутригосударственные отношения. При сопоставлении объекта регулирования международного и внутригосударственного права это позволяет говорить об их частичном совпадении.

Отправным моментом, как справедливо отмечается в юридической литературе, является то, что содержание международной и национальной правовых систем, состав их компонентов по меньшей мере совместимы. Это не означает «стирания граней», «механического переноса конструкций без учета особенностей обеих правовых систем». Различия между ними значительные, такого же порядка, как между внутренним правом и международным правом, которые давно и обстоятельно изучены. Но это различия не в структуре, не в наборе элементов систем, а в «насыщении», во внутреннем содержании самих элементов [26].

Констатация такого положения выводит нас на решение проблемы оформления международно-правового компонента в российской правовой системе: он не может быть представлен формулировкой ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в равной степени как не может претендовать и на самостоятельный правовой блок в системе российского права. Это образование (а точнее — явление), на наш взгляд, носит межотраслевой характер, рассредоточено по тем отраслям российского права, предмет правового регулирования которых предполагает применение норм международного права. А вот конституционную основу для такого применения дает положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Именно в качестве таковой основы его и следует рассматривать.

Кроме того, данная конституционная норма в качестве основы подкрепляется механизмами имплементации, сформировавшимися в мировой практике. В России одним из таких механизмов признается процедура ратификации международных договоров РФ, концепция которой, как и статус ратификационных законов, требует самостоятельного исследования.

Таким образом, рассуждения подвели нас вплотную к проблеме определения статуса положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в структуре института основ конституционного строя. Представляется, что в данном случае речь должна идти не только о конституционной норме, не только об одной из основ конституционного строя РФ и ее месте в структуре соот-

ветствующего конституционного института, но и общеправовом принципе российского права. Такая вариативность значения рассматриваемой нормы, на наш взгляд, подтверждается анализом аналогичных норм конституций ряда зарубежных государств.

Обращение к аналогичным положениям конституций ряда зарубежных стран — членов Европейского союза (Австрия, ст. 9; Германия, ст. 25; Греция, ст. 8; Италия, ст. 10; Испания, ст. 10; Ирландия, ст. 29; Франция, ст. 54, 55) и членов Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) (Россия, ст. 15; Беларусь, ст. 8; Казахстан, ст. 4; Кыргызстан, ст. 6; Таджикистан, ст. 5, 10) и их анализ позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, все названные конституции в той или иной степени уделяют внимание нормам международного права и вопросам их сближения с внутригосударственными нормами.

Во-вторых, понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» не получило широкого распространения в конституциях зарубежных государств, исключение составляют Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) и Конституция Кыргызстана (ч. 3 ст. 6)¹, содержащие положения о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы. Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им отечественного законодательства (ст. 8 Конституции Беларуси).

В-третьих, ни одна из исследованных конституций не раскрывает понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», не содержит их перечня.

В-четвертых, конституции ряда стран признают общепризнанные нормы международного права и международные договоры частью внутреннего права (Австрия, Германия, Греция, Португалия) или внутреннего законодательства (Испания), Казахстан включает международные договорные и иные обязательства республики в действующее право (ч. 1 ст. 4)². Россия и Кыргызстан объявили международ-

ные договоры составной частью своей правовой системы (наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права). Международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы этой республики (ст. 10 Конституции Таджикистана).

В-пятых, в большинстве исследованных конституций имеются нормы о невозможности применения международных обязательств, содержащих положения, противоречащие конституции страны, без внесения в нее соответствующих изменений, а также оговаривается возможность их применения с учетом принципа взаимности (Испания³, Франция⁴); Конституция Беларуси не допускает заключения международных договоров, которые противоречат конституции страны (ст. 8).

Таким образом, зарубежное конституционное законодательство свидетельствует о том, что в международном сообществе не сложился единообразный стереотип отношения государств к такому явлению, как «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры», участником которых является то или иное государство. Каждая страна в силу наличия суверенитета и в рамках своих суверенных прав решает этот вопрос по-своему. С учетом этого в российской правовой науке предприняты попытки обосновать специфику места и роли общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в национальной правовой системе, обусловленную их международно-правовой природой и практикой применения с учетом доминирующей в обществе концепции суверенитета. Особенности применения общепризнанных принципов и норм международного права, вытекающие из толкования ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, должны быть дифференцированы применительно к нормам международных договоров. Нельзя сбрасывать со счетов, что общепризнанным принципам и нормам международного права конституционно придан статус не части внутреннего права или внутреннего законодательства, а действующего права. В.В. Терешкова указывает, что «в отдельных публикациях встречаются

¹ Вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участником которых является Кыргызстан, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью его правовой системы. Нормы международных договоров по правам человека имеют прямое действие и приоритет над нормами других международных договоров.

² Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случая, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона (ч. 3 ст. 4 Конституции Казахстана).

³ Согласно ст. 95 Конституции Испании, «заключение международного договора, содержащего положения, противоречащие Конституции, требует предварительного пересмотра Конституции. Правительство или любая из палат может обратиться в Конституционный суд с тем, чтобы получить от него заключение о том, имеется или нет такое противоречие. Международные договоры, заключенные в соответствии с установленными требованиями, становятся после их опубликования в Испании составной частью внутреннего законодательства» [26].

⁴ В соответствии со ст. 54 Конституции Французской Республики, «если международное обязательство содержит положение, противоречащее Конституции, то разрешение на его ратификацию или одобрение может быть дано только после пересмотра Конституции». В силу ст. 55 «договоры или соглашения, должным образом одобренные или ратифицированные, с момента их опубликования имеют силу, превышающую силу внутренних законов, при условии применения такого договора или соглашения другой стороной» [26].

некорректные подмены формулировки Конституции РФ выражениями “составная часть права” либо “часть национального законодательства”. Такие словосочетания действительно известны зарубежным конституциям: частью права страны именуют международные договоры (нормы) конституции ФРГ, Греции, Болгарии, Румынии, Македонии; частью национального законодательства — конституции Испании, Кыргызстана, Украины» [38, с. 587]. Напротив, нормы международных договоров наделены приоритетом только по отношению к нормам других действующих на территории страны законов. При этом в литературе предлагается дифференцировать данные законы: в случае коллизии с нормой российского права, исключая Конституцию РФ, приоритет остается за нормой международного договора, согласие на обязательность которого выражено в форме федерального закона [4, с. 19; 15, с. 12; 18, с. 10; 19, с. 159—164; 30, с. 71] (имеется в виду федеральный закон о ратификации соответствующего международного договора).

Сказанное дает основание вести речь об обособленном структурном положении (месте) в правовой системе РФ, взаимодействующей с международной правовой системой, только по отношению к общепризнанным принципам и нормам международного права в силу их известной межотраслевой универсальности. Но это утверждение непозволительно по отношению к нормам международных договоров, где отраслевой принцип должен строго соблюдаться.

Некоторые концептуальные особенности статуса международно-правового компонента в российской правовой системе. Поскольку практика российского правообразования и правоприменения в этом вопросе пока еще сохраняет противоречивый характер, решение проблемы нам видится в том, чтобы предложить такую формулу и такую конструкцию (теоретическую модель), которые позволили бы в рамках любой отрасли российского права признавать или отвергать статус общепризнанных принципов и норм международного права, а самостоятельно — и норм международных договоров РФ, в качестве источника соответствующей отрасли права, включая их в систему соответствующей отрасли.

Допуская возможность дифференциации такой формулы применительно к разностатусным отраслям и иным правовым массивам в системе российского права, полагаем, что в нее должен быть заложен универсальный компо-

нент, унифицирующий возможность учета отраслевой специфики общепризнанных принципов и норм международного права. Такая необходимость диктуется тем, что в той или иной отрасли (если не сказать, в каждой) общепризнанные принципы и нормы международного права могут иметь свои особенности как по содержанию, так и по форматам применения. При этом следует учитывать, что, по мнению большинства ученых, включение Конституцией РФ общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему России содержательно и структурно изменило правовую систему нашей страны, придав ей современный и качественно новый уровень, увеличило ее нормативный массив как важный и неотъемлемый компонент, существенно повлияло на взаимодействие всех ее элементов¹. А.Н. Талалаев, давая оценку новациям ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, справедливо пишет, что включение норм международного права в правовую систему нашей страны явилось историческим шагом огромной важности, коренным образом изменило понятие правовой системы России, ее структуру, поставило по-новому вопрос о соотношении, иерархии правовых норм [37, с. 3—15].

В этом и выражена трансформация оценочных критериев правовых явлений и права в целом, совокупность которых охватывается главной ценностью, главной научной категорией, воплощающей суть современной правовой действительности, — категорией правовой системы. Именно данная категория, которую Ж. Карбонье характеризовал как «вместилище, сосредоточие разнообразных юридических явлений» [17, с. 197], по мнению М.И. Байтина, способна выразить суть объективного права как институционального социально-классового нормативного образования [2, с. 178—179].

Возвращаясь к оценкам исследуемой нормы Конституции РФ, следует отметить, что анализ отраслевого законодательства РФ на предмет развития в нем положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ (ст. 7 Гражданского кодекса РФ, ст. 1, 11 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 3, 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ) убеждает в необходимости конструктивной унификации блока отраслевых норм, развивающих положения указанной статьи. В настоящий же момент в таких нормах отражается не столько специфика соответствующей отрасли права, сколько субъективное отношение разработчиков того или иного отраслевого кодифицированного акта к

¹ Будучи сторонниками широкого подхода к содержанию понятия правовой системы, авторы считают возможным обратить внимание на неисчерпанность правового массива как ее элемента исключительно совокупностью официально установленных и взаимосвязанных правовых актов, поскольку не менее важными источниками права следует признавать судебную практику, в результате которой могут рождаться новые нормы права. Судебная практика (и не только высших судебных органов) сегодня занимает важное место в эффективном функционировании и развитии отечественного права и должна учитываться при формировании структуры правовой системы [5, с. 100; 12, с. 104; 13, с. 36; 15, с. 162—163; 31, с. 63; 42, с. 9, 10, 40—43].

инновационным источникам права, что препятствует единообразному пониманию и применению названной нормы Конституции РФ. Помимо этого, сложность и недостаточная эффективность применения ч. 4 ст. 15 Конституции обусловлены тем, что в международном праве нет нормативного акта, который исчерпывающим образом перечислял бы его общепризнанные принципы и нормы.

В деятельности по реализации международных норм на территории России существует целый ряд проблем. В их числе — отсутствие официального классификатора международных документов о правах человека; неполная обеспеченность работников государственных органов их официальными текстами; отсутствие полных официальных сборников международных актов о правах человека; неопределенность статуса, перечня и механизма реализации в рамках национальной правовой системы общепризнанных обычных принципов и норм международного права о правах человека, несистематизированность норм международного права применительно к отраслям российского права и др. [25, с. 552]. В связи с этим, в дополнение к высказанному выше предложению о формировании конструкции (теоретической модели), универсальной для любой отрасли права, представляется целесообразным согласиться с мнением некоторых ученых о проведении официальной систематизации норм международного права по отраслям внутригосударственного права [24, с. 301].

С учетом изложенного конструкция систематизированной основы для применения норм международного права в пределах той или иной отрасли должна включать следующие элементы:

- общепризнанные принципы и нормы международного права¹;
- нормы универсальных международных договоров, участницей которых является РФ;
- нормы универсальных европейских договоров, участницей которых является РФ;
- нормы соглашений, принятых в рамках СНГ и ЕврАзЭС;
- нормы двусторонних межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров.

Преимущество предлагаемой модели состоит в том, что она способна сориентировать законодателей и работников правоприменительных органов на профессиональное применение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров и при разработке нового законодатель-

ства, и при применении действующего. Наряду с официальной систематизацией международных норм наиболее важные из них, с учетом зарубежного опыта, целесообразно разместить в приложениях к отраслевым кодексам.

Таким образом, доктринирование конструкции международно-правового компонента в правовой системе РФ может и должно быть осуществлено на основе вариативности, которой предопределена сложностью как самой этой системы, так и системы международного права, его предмета и источников. Именно такой подход вполне отвечает современным тенденциям развития и трансформации всех правовых явлений, порожденных процессами глобализации.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. — М., 1981. Т. 1. С. 86—91.
2. Байтин М.И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков. — 2-е изд, доп. — М., 2005. С. 178—179.
3. Борнашов А.М. О международных договорах конституционно-правового значения // Роль международного права в условиях глобализации: доклады в рамках 57-го Ежегодного собрания Российской ассоциации международного права. Москва, 25—27 июня 2014 г.
4. Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права: на примере Белоруссии и России // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 19.
5. Дивин И.М. Судебная практика как источник современного права России // Закон. 2011. № 4. С. 100.
6. Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 8—9.
7. Ершов В.В. Российское право с позиции легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 10. С. 5—22.
8. Ершов В.В. Право и неправое: актуальные современные вопросы теории и практики // Поиск частных и публичных интересов в решениях международных судов: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Москва — Суздаль, 4—6 июня 2012 г. — М.: РАП, 2013. С. 87.
9. Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. С. 8.
10. Ершов В.В., Ершова Е.А. Современные теоретические проблемы применения международного права российскими судами // Российское правосудие. 2010. № 11 (55). С. 7, 8.
11. Ершов В.В., Ершова Е.А. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 10.

¹ В доктрине международного права понятия «общепризнанные (основные) принципы» и «нормы международного права» не тождественны. Основные принципы международного права — разновидность общепризнанных норм международного права. Круг общепризнанных норм международного права шире, чем его основные принципы. Основной формой (источником) существования общепризнанных норм является международный обычай. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, это не означает, что указанные нормы не могут найти свое закрепление в международных договорах [24, 25, 26].

12. *Жилин Г.А.* Судебное нормотворчество в системе разделения властей // Закон. 2010. № 8. С. 104.
13. *Жилин Г.А.* Судебное нормотворчество в механизме защиты прав // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. — Краснодар, СПб., 2011. С. 36.
14. *Заболоцкая М.В.* Проблемы кодификации международного права // Роль международного права в условиях глобализации: доклады в рамках 57-го Ежегодного собрания Российской ассоциации международного права. Москва, 25—27 июня 2014 г.
15. *Зорькин В.Д.* Современный мир, право и Конституция. — М., 2010. С. 162—163.
16. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России в историческом контексте: размышления к юбилею Конституционного Суда // Права человека. 2011. № 11 (68). С. 12.
17. *Карбонье Ж.* Юридическая социология: пер. с фр. — М.: Прогресс, 1986. С. 197.
18. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Жилина. — М., 2003. С. 10.
19. Конституция Российской Федерации: комментарий / под ред. Б.Н. Топорнина. — М., 1997. С. 159—164.
20. Конституции государств Европейского Союза / под ред. Л.А. Окунькова. — М.: Инфра-М, 1997.
21. *Кузьмин Э.Л.* Конституционные ценности в международном праве // Конституционализм: идеал и/или реальность / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. — М.: Институт права и публичной политики, 2012.
22. *Лукашева Е.А.* Механизм действия социокультурного комплекса цивилизаций // Ценности и образы в праве. — М., 2007. С. 16.
23. *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. — М.: Волтерс Клувер, 2004.
24. *Малиновский О.Н.* Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод как источник правовой системы Российской Федерации // Защита прав и законных интересов граждан и организаций: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Сочи: Кубан. гос. ун-т, 2002. Ч. 2. С. 301.
25. *Малиновский О.Н.* К вопросу о международных нормах в области распространения информации о правах человека и мерах по совершенствованию механизма их реализации в России // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. — Краснодар, СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2011. С. 552—553.
26. *Марочкин С.Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. — М.: Норма, Инфра-М, 2011.
27. *Манов Г.Н.* Теория государства и права. — М., 1995. С. 180.
28. *Медушевский А.* Право и справедливость в политических дебатах постсоветского периода // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 14—31.
29. *Моисеев А.А.* Глобализация и международное право // Роль международного права в условиях глобализации: доклады в рамках 57-го Ежегодного собрания Российской ассоциации международного права. Москва, 25—27 июня 2014 г.
30. *Невинский В.В.* Юридические свойства Конституции: испытание временем // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. — М., 2004. Т. 1. С. 71.
31. *Нешатаева Т.Н.* Международное право и международный гражданский процесс: учеб. курс: в 3 ч. — М., 2004.
32. *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и практику. — М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 5—14.
33. Поиск частных и публичных интересов в решениях международных судов: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Москва—Суздаль, 4—6 июня 2012 г. — М.: РАП, 2013. С. 6—31.
34. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.А. Струсь и др.; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Саратов: Изд-во Саратов. госуд. академии права, 2010.
35. *Смирнова Е.С.* О проблеме взаимодействия норм международного и конституционного права без иллюзий // Конституционализм: идеал и/или реальность / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. — М.: Институт права и публичной политики, 2012. С. 237.
36. *Смирнова Е.С.* Глобализация как правовое понятие: к постановке проблемы. — 3-е изд. — М., 2009.
37. *Талалаев А.Н.* Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституции Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 3—15.
38. *Терешкова В.В.* Непосредственное применение международно-правовых норм в судебной деятельности // Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета: по итогам научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Шахматова / отв. ред. Т.В. Сахнова. — Красноярск, 2001. — Вып. 1. С. 587.
39. *Толстых В.Л.* Курс международного права: учеб. — М.: Волтерс Клувер, 2010.
40. *Тиунов О.И.* Принцип суверенного равенства государств в системе норм современного международного права // Роль международного права в условиях глобализации: доклады в рамках 57-го Ежегодного собрания Российской ассоциации международного права. Москва, 25—27 июня 2014 г.
41. *Тихомиров Ю.А.* Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4—5. С. 7—17.
42. *Улетова Г.Д.* Источники исполнительного права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. С. 9, 10, 40—43.
43. *Усенко Е.Т.* Очерки теории международного права. — М.: Норма, 2008.
44. *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. — М., 2013. С. 8.

References

1. Alekseev S.S. Obshchaia teoriia prava: v 2 t. — M., 1981. T. 1. S. 86—91.
2. Baitin M.I. Sushchnost' prava: sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov. — 2-e izd, dop. — M., 2005. S. 178—179.
3. Bornashov A.M. O mezhdunarodnykh dogovorakh konstitutsionno-pravovogo znachenii // Rol' mezhdunarodnogo prava v usloviakh globalizatsii: doklady v ramkakh 57-go Ezhegodnogo sobraniia Rossiiskoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava. Moskva, 25—27 iunია 2014 g.
4. Vishniakov V.G. O sotoznenii norm mezhdunarodnogo i konstitutsionnogo prava: na primere Belorussii i Rossii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2002. № 9. S. 19.
5. Divin I.M. Sudebnaia praktika kak istochnik sovremennogo prava Rossii // Zakon. 2011. № 4. S. 100.
6. Ershov V.V. Sistema form prava v Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskoe pravosudie. 2009. № 1. S. 8—9.
7. Ershov V.V. Rossiiskoe pravo s pozitsii legizma i integrativnogo ponimaniia prava // Rossiiskoe pravosudie. 2011. № 10. S. 5—22.
8. Ershov V.V. Pravo i nepravo: aktual'nye sovremennye voprosy teorii i praktiki // Poisk chastnykh i publichnykh interesov v resheniiakh mezhdunarodnykh sudov: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva — Suzdal', 4—6 iunია 2012 g. — M.: RAP, 2013. S. 87.
9. Ershova E.A. Istochniki i formy trudovogo prava v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra iurid. nauk. — M., 2008. S. 8.
10. Ershov V.V., Ershova E.A. Sovremennye teoreticheskie problemy primeneniia mezhdunarodnogo prava rossiiskimi sudami // Rossiiskoe pravosudie. 2010. № 11 (55). S. 7, 8.
11. Ershov V.V., Ershova E.A. Sistema form prava v Rossiiskoi Federatsii // Rossiiskoe pravosudie. 2009. № 1. S. 10.
12. Zhilin G.A. Sudebnoe normotvorchestvo v sisteme razdeleniia vlastei // Zakon. 2010. № 8. S. 104.
13. Zhilin G.A. Sudebnoe normotvorchestvo v mekhanizme zashchity prav // Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoianie i problemy garmonizatsii: sb. nauch. st. — Krasnodar, SPb., 2011. S. 36.
14. Zabolotskaia M.V. Problemy kodifikatsii mezhdunarodnogo prava // Rol' mezhdunarodnogo prava v usloviakh globalizatsii: doklady v ramkakh 57-go Ezhegodnogo sobraniia Rossiiskoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava. Moskva, 25—27 iunია 2014 g.
15. Zor'kin V.D. Sovremennyi mir, pravo i Konstitutsiia. — M., 2010. S. 162—163.
16. Zor'kin V.D. Konstitutsionnyi Sud Rossii v istoricheskom kontekste: razmyshleniia k iubileiu Konstitutsionnogo Suda // Prava cheloveka. 2011. № 11 (68). S. 12.
17. Karbon'e Zh. Iuridicheskaia sotsiologiya: per. s fr. — M.: Progress, 1986. S. 197.
18. Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / pod red. G.A. Zhilina. — M., 2003. S. 10.
19. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: kommentarii / pod red. B.N. Topornina. — M., 1997. S. 159—164.
20. Konstitutsii gosudarstv Evropeiskogo Soiuzа / pod red. L.A. Okun'kova. — M.: Infra-M, 1997.
21. Kuz'min E.L. Konstitutsionnye tsennosti v mezhdunarodnom prave // Konstitutsionalizm: ideal i/ili real'nost' / pod red. B.A. Strashuna, I.A. Alebastrovai. — M.: Institut prava i publichnoi politiki, 2012.
22. Lukasheva E.A. Mekhanizm deistviia sotsiokul'turnogo kompleksa tsivilizatsii // Tsennosti i obrazy v prave. — M., 2007. S. 16.
23. Lukashuk I.I. Pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti. — M.: Volters kluver, 2004.
24. Malinovskii O.N. Evropeiskaia konventsiiа o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod kak istochnik pravovoi sistemy Rossiiskoi Federatsii // Zashchita prav i zakonnykh interesov grazhdan i organizatsii: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Sochi: Kuban. gos. un-t, 2002. Ch. 2. S. 301.
25. Malinovskii O.N. K voprosu o mezhdunarodnykh normakh v oblasti rasprostraneniia informatsii o pravakh cheloveka i merakh po sovershenstvovaniiu mekhanizma ikh realizatsii v Rossii // Zashchita prav v Rossii i drugikh stranakh Soveta Evropy: sovremennoe sostoianie i problemy garmonizatsii: sb. nauch. st. — Krasnodar, SPb.: Iuridicheskii Tsentr-Press, 2011. S. 552—553.
26. Marochkin S.Iu. Deistvie i realizatsiia norm mezhdunarodnogo prava v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii. — M.: Norma, Infra-M, 2011.
27. Manov G.N. Teoriia gosudarstva i prava. — M., 1995. S. 180.
28. Medushevskii A. Pravo i spravedlivost' v politicheskikh debatakh postsovet'skogo perioda // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2012. № 2 (87). S. 14—31.
29. Moiseev A.A. Globalizatsiia i mezhdunarodnoe pravo // Rol' mezhdunarodnogo prava v usloviakh globalizatsii: doklady v ramkakh 57-go Ezhegodnogo sobraniia Rossiiskoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava. Moskva, 25—27 iunია 2014 g.
30. Nevinskii V.V. Iuridicheskie svoistva Konstitutsii: ispytanie vremenem // Konstitutsiia kak simvol epokhi: v 2 t. / pod red. prof. S.A. Avak'iana. — M., 2004. T. 1. S. 71.
31. Neshataeva T.N. Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnyi grazhdanski protsess: ucheb. kurs: v 3 ch. — M., 2004.
32. Neshataeva T.N. Resheniia Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka: novelty i vliianie na zakonodatel'stvo i praktiku. — M.: Norma: Infra-M, 2013. S. 5—14.
33. Poisk chastnykh i publichnykh interesov v resheniiakh mezhdunarodnykh sudov: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva—Suzdal', 4—6 iunია 2012 g. — M.: RAP, 2013. S. 6—31.
34. Printsipy rossiiskogo prava: obshcheteoreticheskii i otraslevoi aspekty / N.I. Matuzov, A.V. Mal'ko, K.A. Strus' i dr.; pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. — Saratov: Izd-vo Sarat. gosud. akademii prava, 2010.
35. Smirnova E.S. O probleme vzaimodeistviia norm mezhdunarodnogo i konstitutsionnogo prava bez

illuzii // Konstitutsionalizm: ideal i/ili real'nost' / pod red. B.A. Strashuna, I.A. Alebastrovoi. — M.: Institut prava i publichnoi politiki, 2012. S. 237.

36. Smirnova E.S. Globalizatsiia kak pravovoe poniatie: k postanovke problemy. — 3-e izd. — M., 2009.

37. Talalaev A.N. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava i Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1994. № 4. S. 3—15.

38. Tereshkova V.V. Neposredstvennoe primenenie mezhdunarodno-pravovykh norm v sudebnoi deiatel'nosti // Uchenye zapiski Iuridicheskogo instituta Krasnoiarskogo gosudarstvennogo universiteta: po itogam nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora V.P. Shakhmatova / otv. red. T.V. Sakhnova. — Krasnoiarsk, 2001. — Vyp. 1. S. 587.

39. Tolstykh V.L. Kurs mezhdunarodnogo prava: ucheb. — M.: Volters Kluver, 2010.

40. Tiunov O.I. Printsip suverenno go ravenstva gosudarstv v sisteme norm sovremennogo mezhdunarodnogo prava // Rol' mezhdunarodnogo prava v usloviakh globalizatsii: doklady v ramkakh 57-go Ezhegodnogo sobraniia Rossiiskoi assotsiatsii mezhdunarodnogo prava. Moskva, 25—27 iunia 2014 g.

41. Tikhomirov Iu.A. Pravovaia sfera obshchestva i pravovaia sistema // Zhurnal rossiiskogo prava. 1998. № 4—5. S. 7—17.

42. Uletova G.D. Istochniki ispolnitel'nogo prava Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. — M., 2007. S. 9, 10, 40—43.

43. Usenko E.T. Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava. — M.: Norma, 2008. — 240 s.

44. Chumakov A.N. Globalizatsiia. Kontury tselostnogo mira. — M., 2013. S. 8.

Status of International Legal Element in Russian Legal System Revisited

Ljudmila V. But'ko,

Doct. in Law,
Prof. of Dept. of State and International Law
in Kuban State Agrarian University
Russia, Krasnodar
lvbutko@mail.ru

Galina D. Uletova,

Doct. in Law,
Prof. of Dept. of Legal Support of Market Economy
in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow
uletova@mail.ru

Status of international legal element in Russian legal system is considered. On the base of analysis of different forms of international standards recognition in national legal systems authors construction (theoretical model) is offered. The conclusion is made that doctrinization of international legal element in Russian legal system should be realized on the base of flexibility determined by complexity of national and international legal systems.

Keywords: *international legal element, legal system, generally accepted principles and norms of international law, legal globalisation.*